

Глава 5

Чэнь Лин шёл всё быстрее, и медный колокольчик в его руке звенел, не переставая.

Этот Саньцин лин был личным ритуальным предметом Чжао Сюньчана, который тот использовал много лет. Он был пропитан сильной энергией ша, и обычные призраки, слышав его звон, разбегались в страхе.

Но сегодняшний преследователь не только не убегал, но и упорно следовал за ним.

Чэнь Лин сделал несколько глубоких вдохов, повторяя про себя: «Спокойно, спокойно». Если он в панике споткнётся и упадёт, то придётся не только тратить на лечение, но и всё это дело плохо скажется на его бизнесе.

К тому же, судя по всему, преследователь не собирался причинять ему вреда, иначе давно бы уже набросился, а не крался так тихо позади.

Успокоившись, Чэнь Лин перестал двигаться так скованно и под звон колокольчика благополучно добрался до своего дворика.

Во дворе горела одна лампа. В окне комнаты Чжао Сюньчана было темно, и из щели доносился раскатистый храп, подобный грому.

За один день дважды столкнуться с призраками — у Чэнь Лина не было ни малейшего желания тщательно мыться. Наскоро приняв горячий душ, он быстро забрался в постель и завернулся в одеяло, как куколка, оставив снаружи только глаза и нос.

В ночи, когда он не мог уснуть от страха, храп Чжао Сюньчана был лучшим снотворным. Веки Чэнь Лина становились всё тяжелее, сумбурные мысли утонули в сонливости, и он провалился в тёмный, неодолимый кошмар.

Во сне Чэнь Лин почувствовал, что его тело сковано. Вокруг было тесно, словно он заперт в каком-то сосуде.

Непроглядная тьма, пронизанная ледяным холодом, проникала сквозь кожу, заползала в рот и нос. Чья-то рука неторопливо, мучительно медленно скользнула по его телу и замерла на открытой шее.

Чэнь Лин широко распахнул глаза. Его губы и зубы разжались, а судорожно дёргающийся кадык выдал отчаянное намерение позвать на помощь.

В тот же миг рука резко метнулась и почти жестоко зажала ему рот.

Незнакомое дыхание коснулось подбородка и щеки, поднимаясь всё выше, к его бровям.

Чэнь Лин мгновенно понял — тот, кто сейчас давил на него, был тем самым «человеком», что внезапно появился в кабинете, тем, кто следовал за ним по пятам. И сейчас это существо обнюхивало его, словно изголодавшийся хищник перед долгожданной трапезой.

Сознание Чэнь Лина было ясным, но он не мог проснуться.

Снова сонный паралич.

Прожив почти два месяца в относительном спокойствии, Чэнь Лин почти забыл, насколько свирепыми и кровожадными могут быть эти твари.

Он отчаянно забился, но стоило ему шевельнуть руками и ногами, как их тут же сковало, будто невидимые гвозди прибили его конечности к кровати.

Чужое, пугающее дыхание застыло у его лица. Чэнь Лин затаил дыхание и крепко зажмурился, словно, не видя происходящего, можно было притвориться, что ничего и нет. Но самообман рано или поздно рухнет.

Раздался треск ткани. Ворот его футболки был разорван у самой ключицы. Дыхание скользнуло по шее к ключице, намереваясь, по-видимому, добраться до сердца.

Опасность приближалась. Чэнь Лин отчётливо чувствовал, как бешено колотится его сердце.

Каждый удар отдавался в рёбрах, и казалось, оно вот-вот выпрыгнет из груди. Он больше не мог сдерживаться, его дыхание стало тяжёлым и частым, горячий, полный жизни воздух вырывался наружу, касаясь невидимой руки.

В воздухе раздался тихий смешок, и холодный мужской голос прошептал ему на ухо:

— Что же ты так напуган?

Чэнь Лин молчал.

Человек может до смерти напугать другого человека.

По аналогии, призрак, наверное, тоже может до смерти напугать другого призрака.

«Почему я так напуган? Попробуй сам оказаться на моём месте и узнаешь!» — мысленно возмутился Чэнь Лин.

Собрав все силы для самоспасения, он стиснул зубы и прокусил язык.

Шифу говорил, что в их деле для изгнания зла используется кровь с трёх «острий»: кончика пальца, кончика языка и сердца. В этих местах течёт цзинсюэ, квинтэссенция крови, наполненная чистой энергией ян. В обычных условиях удобнее и менее болезненно всего брать кровь из пальца.

Но сейчас, обездвиженный, Чэнь Лин мог выбрать только средний вариант.

Как только он прокусил язык, во рту тут же появился привкус крови. Если бы он мог издать хоть звук, то наверняка бы не сдержал стон боли.

Чтобы драгоценная кровь не пропала даром, Чэнь Лин открыл рот, собираясь выплюнуть её.

Но в тот же миг его губы сжали два пальца, заставив снова сомкнуть рот.

Чэнь Лин в шоке уставился в темноту. Его кадык дёрнулся, и половина крови была проглочена.

Самое ужасное было то, что это существо просунуло два пальца ему в рот и ухватило всё ещё кровоточащий язык.

Холод от языка начал расползаться по всему телу. Голос, говоривший с ним ранее, раздался снова, на этот раз прямо перед его лицом. Странное дыхание медленно и властно проникало сквозь приоткрытые губы.

С тех пор, как Чэнь Лин начал учиться у Чжао Сюньчана, он наслушался немало историй, особенно о том, как женщины-призраки в горах высасывают из людей жизненную энергию. Он не ожидал, что сегодня столкнётся с мужской версией этого кошмара.

И как только он подумал: «Всё, мне конец!», — чужое дыхание внезапно отступило.

Тут же в воздухе раздался оглушительный грохот.

Чэнь Лин вздрогнул и рывком сел на кровати.

Чжао Сюньчан, выбив дверь, ворвался в комнату с Цисин цзянем, вырезанным из дерева, поражённого молнией. Он настороженно огляделся, и его бдительность постепенно сменилась недоумением.

Чэнь Лин вытер со лба обильный пот и, схватившись за разорванный воротник, хрипло пробормотал:

— Шифу.

Чжао Сюньчан не ответил. Крепко сжимая рукоять меча, он обошёл комнату несколько раз, затем присел на корточки в каждом углу и принялся, но ничего не обнаружил.

Он вернулся к кровати, с грохотом положил меч на тумбочку и, тяжело опустившись на край, сказал:

— Я отчётливо почувствовал, что в твоей комнате что-то есть. Почему, как только я вошёл, всё исчезло?

Чэнь Лин не решился рассказать, как чужие пальцы исследовали его рот, и ограничился лишь главным:

— Сонный паралич. Но Саньцин лин, который вы мне дали, кажется, не сработал.

Если так посчитать, то это был уже третий раз, когда колокольчик безмолвствовал!

Чэнь Лин поспешно рассказал о том, что произошло вечером в кабинете и по дороге домой.

Один звон Саньцин лина — и призраки являются.

Другой звон — и зло изгоняется.

Чжао Сюньчан был абсолютно уверен в этом ритуальном предмете, который когда-то принадлежал основателю их школы и был пропитан мощной энергией. Именно поэтому он передал его своему единственному ученику. Что же теперь происходит? Неужели он сам себя опозорил?

Он взял медный колокольчик, лежавший у подушки ученика, и слегка встряхнул. Комнату наполнил чистый, звонкий звук.

Предмет не был сломан, он был в полном порядке.

Чжао Сюньчан потёр переносицу. Он не хотел думать в этом направлении, но факты были налицо. То, что случилось с Чэнь Лином, могло означать только одно...

Злая сущность была настолько сильна, что Саньцин лин на неё не реагировал и был бесполезен.

Ситуация была серьёзной и заставила даже такого опытного мастера, как Чжао Сюньчан,

насторожиться. Он тут же покинул комнату ученика и принёс целый арсенал своих ритуальных предметов. Перепробовав их все и не увидев никакой реакции, он обклеил всю комнату талисманами для изгнания злых духов и защиты дома.

Закончив, он положил Саньцин лин, усиленный талисманом, обратно на подушку ученика.

— Теперь в комнате чисто, ничего нет. Спи.

Но какой уж тут сон. Как только шифу ушёл, Чэнь Лин сел на кровати и включил ночник.

Тёплый жёлтый свет наполнил тёмную комнату уютом. Чэнь Лин, не вставая с кровати, потянулся к ящику тумбочки и достал две пожелтевшие старинные книги в нитяном переплёте.

Обложки из тёмно-синей бумаги были ветхими и грозили рассыпаться от малейшего неосторожного движения.

Чэнь Лин осторожно перелистывал страницы, внимательно читая и запоминая самое важное. Знания придавали ему сил. Несмотря на поздний час, он чувствовал себя всё бодрее, и тот страх, что охватил его ранее, бесследно исчез.

В пять тридцать утра на горизонте показалась бледная полоса рассвета. Через полчаса первые лучи солнца прорвались из-за горизонта.

Поставив на пару купленные в супермаркете сяолунбао для шифу, Чэнь Лин вышел со двора и направился на гору.

На горе Юйхэ рабочие трудились ещё до рассвета. Сейчас, с голыми торсами, они вытаскивали из могильной ямы большую сушильную машину.

Яма, вчера залитая дождём, уже высохла. Рядом кто-то замешивал цемент, а другие спускались с горы, чтобы принести наверх плиты из натурального мрамора, распиленные и отшлифованные за ночь.

Восемь тридцать утра — благоприятное время, рассчитанное Чжао Сюньчаном.

Мраморные плиты были аккуратно уложены в яму, прошедшую гидроизоляцию, а швы заделаны цементом. В одно мгновение могила из голой земли преобразилась.

Чэнь Лин остался очень доволен этим новым «особняком с видом на горы» и тут же позвонил госпоже Цзян.

На этот раз звонок прошёл сразу.

Услышав, что вчера вечером её телефон был недоступен, госпожа Цзян извинилась, сказав, что в него попала вода и он выключился.

Узнав, что могильная яма была расширена, но доплачивать за это не нужно, она рассыпалась в благодарностях и спросила:

— Господин Чэнь, когда вы приедете? Всё, что вы просили, я купила.

— Думаю, к девяти тридцати, — ответил Чэнь Лин.

Ему нужно было закончить ещё одно дело.

По просьбе молодого начальника, бригадир с рабочими принесли из деревни два больших снопа соломы и разделили их на семь маленьких.

Чэнь Лин одолжил у него зажигалку, поджёг один сноп и бросил в могильную яму.

Этот ритуал назывался «согреванием могилы». Он был похож на новоселье, когда приглашают друзей и родственников, чтобы «согреть» дом. Смысл был в том, чтобы жизнь в новом доме была prosperous, а его обитатели — счастливы и удачливы.

Один за другим снопы соломы сгорели дотла. Чэнь Лин сам спустился в яму и вычистил пепел.

Когда он выбирался наверх, бригадир, глядя на сияющую мрамором могилу, вдруг улыбнулся и сказал:

— Господин Чэнь, а могила-то получилась что надо! Просторная, светлая. Хоть и для одного, а поместятся и двое, ещё и место останется.

Неизвестно почему, но Чэнь Лин вдруг вспомнил вчерашний сон.

То удушающее тёмное пространство... чем не могила?